

ДЖЕРАЛЬД
ДАРРЕЛЛ

*Три билета
до Эвенчера*

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Азбука-Классика. Non-Fiction

Джеральд Даррелл

Три билета до Эдвенчера

«Азбука-Аттикус»

1954

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Три билета до Эдвенчера / Д. Даррелл — «Азбука-Аттикус»,
1954 — (Азбука-Классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-13070-8

В книге известного английского писателя и натуралиста Джеральда Даррелла (1925–1995) рассказывается о путешествии в Британскую Гвиану, которое автор предпринял в 1950 году в поисках редких животных, обитающих в этом первозданном уголке природы, «стране воды», полной бурных рек, водопадов и непроходимых тропических лесов. О своих впечатлениях от Южной Америки, ее фантастической природы, о встречах с новыми животными, их повадках, забавном и порой очень трогательном общении с ними автор пишет с неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором великколепного рассказчика.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13070-8

© Даррелл Д., 1954
© Азбука-Аттикус, 1954

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джеральд Даррелл

Три билета до Эдвенчера

Gerald Durrell
THREE SINGLES TO ADVENTURE

Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»

Copyright © 1954, Gerald Durrell
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved
© В. Смирнов (наследники), перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Роберту Лоузу
в память о змеях, ленивцах
и южноамериканских седлах*

Предисловие

В этой книге рассказывается о путешествии в Британскую Гвиану¹, которое я предпринял вместе с моим компаньоном Кеннетом Смитом. По заказу нескольких английских зоопарков мы отправились добывать птиц, млекопитающих, пресмыкающихся и рыб, обитающих в этом уголке Южной Америки.

Существует ошибочное мнение, будто поимка животных – самая трудная часть работы зверолова и, как только животные пойманы и рассажены по клеткам, работа в основном закончена. В действительности же только после этого и начинается настоящая работа: ведь, поймав животное, надо кормить и по всем правилам содержать его, а это в большинстве случаев нелегкая задача.

В путешествии такого рода со звероловом приключается такое, чего и нарочно не придумаешь. Одни приключения кажутся забавными, от других душа в пятки уходит, третьи в высшей степени раздражают. Но все они лишь яркие вехи среди месяцев забот и труда, к которым сводится работа зверолова. А вот сядешь писать книгу об очередной поездке – и все заботы, неприятности и разочарования словно изглаживаются из памяти, и на бумаге остается лишь веселое и приятное. Так невольно создаешь превратное представление о профессии зверолова, и она начинает казаться сплошь захватывающей увеселительной прогулкой, ярким и волнующим занятием. И иногда она действительно такова, хотя в большинстве случаев это гнетущая, полная разочарований и разбитых надежд, дьявольски тяжелая работа. Но одного у нее не отнимешь, одно преимущество она имеет перед всеми другими профессиями: ее никогда, ни при каких обстоятельствах не назовешь скучной.

¹ С мая 1966 г. независимое государство Гайана. – *Примеч. ред.*

Пролог

Мы сидим вчетвером в крохотном баре на задворках Джорджтауна, пьем ром и имбирное пиво и решаем головоломку. На столе перед нами большая карта Гвианы; и время от времени кто-нибудь из нас наклоняется и, свирепо нахмурясь, вонзает в нее взор. Задача состоит в том, чтобы из великого множества интригующих названий на карте выбрать одно, которое могло бы послужить отправным пунктом для нашей первой вылазки в глубинные районы страны. Вот уже часа два мы бьемся над этой проблемой, но еще ни к чему не пришли. Я не свожу глаз с карты: вот они, эти реки и горные цепи с чудесными названиями вроде Меруме, Мазаруни, Кануку, Бербисе, Эссекибо.

— Как насчет Нью-Амстердама? — спросил Смит, как нарочно выбрав на карте самое банальное название.

Меня всего так и передернуло от отвращения, Боб ожесточенно затряс головой, во взгляде Айвена появилось идиотски-отсутствующее выражение.

— Ну а Мазаруни?

— Болото, — исчертывающе высказался Боб.

— Гвиана, — исступленно продекламировал я по путеводителю, — на языке местных индейцев означает «страна воды».

— Но ведь можно же что-нибудь выбрать так, чтобы все остались довольны, — с раздражением сказал Смит. — Мы торчим здесь уже несколько часов. Решайте, ради бога, да и на боковую.

Я взглянул на Айвена: последний час он был явно не в себе, не внес ни одного предложения!

— Ты как думаешь, Айвен? — спросил я. — В конце концов, ты родом из здешних мест, тебе и знать, где лучше ловить животных.

Айвен вышел из транса, и по его лицу расплзлось виноватое выражение, как у сенбернера, который не на место положил свой хвост.

— Ну что же, сэр, — изрек он своим невероятно культурным голосом, — по-моему, вы не прогадаете, если отправитесь в Эдвенчер².

— Куда-куда? — переспросили одновременно мы с Бобом.

— В Эдвенчер, сэр. — Он ткнул пальцем в карту. — Это небольшая деревня вот здесь, возле устья Эссекибо.

Я поднял глаза на Смита.

— Едем в Эдвенчер, — твердо сказал я. — Это просто невозможно — не побывать в месте с таким названием.

— Ладно! — сказал мой компаньон. — Вопрос исчерпан. Можно завалиться спать?

— Он просто бесчувственный, — с горечью отозвался Боб. — Слово «Эдвенчер» ему ничего не говорит.

Попасть в деревню с таким интригующим названием оказалось легче, чем я предполагал: стоило лишь спуститься к джорджтаунской пристани и взять билеты. На мой взгляд, было что-то кощунственное в том, что в наши дни можно взять билет до Эдвенчера да еще начать свое путешествие туда на огромном уродливом пароме. Отправиться в путь в каноэ со свирепого вида воинами-гребцами — это еще куда ни шло, думалось мне.

Так или иначе, в одно прекрасное утро такси доставило на причал нас и наш странного вида багаж. Представив своим спутникам спорить с шофером о справедливой плате за проезд, я подошел к кассе и произнес магические слова.

² Эдвенчер (*Adventure*) — по-английски «приключение». — Примеч. пер.

— Три билета до Эдвенчера, пожалуйста, — сказал я, напуская на себя как можно более непринужденный вид.

— Слушаю вас, сэр, — ответил кассир. — Первый класс или второй?

Это было слишком; мне показалось подозрительным уже одно то, что до Эдвенчера можно взять билет, ну а раз речь пошла о классах, тут я вообще засомневался, стоит ли туда ехать. Не иначе как это процветающий морской курорт, с кинотеатрами, закусочными, неоновыми рекламами и прочими сомнительными атрибутами цивилизации, подумалось мне. Я обернулся: на причал, шатаясь под ворохом наших пожитков, всходил Айвен. Я подозвал его и попросил разрешить щекотливый вопрос. Он объяснил, что путешествовать вторым классом — значит ехать где-нибудь внизу, в тесном трюме парома, а затем в трюме речного парохода. Билет же первого дает право сидеть в ветхом шезлонге на верхней палубе парома, а на пароходе можно будет даже получить завтрак. Это меня убедило, и я взял три билета первого класса до Эдвенчера.

Жутковато-непонятной кучей свалили мы на палубе наше снаряжение, и вот уже паром, мерно подрагивая в такт работе машины, пересекает кофейно-коричневый простор Демерары. Облокотясь о перила, мы с Бобом разглядывали маленьких чаек, которые с печальным видом кружили за кормой. И тут обнаружилось, как мало Боб представляет себе то, что ждет его впереди.

— Я так рад, что мы расстались с Джорджтауном, — вздохнув, сказал он, рассеянно очищая банан и бросая кожуру пролетающей чайке. — Как хорошо снова забраться в глушь и не чувствовать себя пленником в четырех стенах. Где, как не в глухи, человек обретает покой и удовлетворенность собой?

Я промолчал. Не спорю: забравшись в какой-нибудь медвежий угол, можно отлично отдохнуть, но вот имеет ли Боб хоть малейшее представление о том, что значит залезть в глушь в одной компании со звероловом? Судя по его замечаниям, он полагал, что ловить зверей — это знай полеживай себе в гамаке, а звери сами пойдут к тебе в клетки. Я решил не разочаровывать его на этот счет до тех пор, пока мы не отъедем подальше от Джорджтауна.

Боб был художник и хотел писать картины из жизни индейских племен. Когда он приехал в Гвиану, оказалось, что места, в которых он намеревался побывать, сплошь затоплены, а реки просто непреодолимы. Так он и сидел, словно Ной, в Джорджтауне, ожидая, пока схлынут воды потопа, и тут повстречался с нами. Узнав, что я вскоре отправляюсь вглубь страны, он с похвальной наивностью набился мне в попутчики. Дескать, уж лучше проехаться по стране со звероловом, чем безвылазно сидеть в Джорджтауне, а к тому времени, как мы вернемся, паводковые воды, наверное, спадут, и он сможет спокойно отправиться писать индейцев.

К сожалению, этой мечте Боба не суждено было сбыться: все свое время в Гвиане он провел, сопровождая меня в моих поездках. Ему никак не удавалось дорваться до кисти и полотна, а под конец уж не осталось до чего дорываться: мы забрали у него все полотно на ящики для змей, которых отправляли в Англию самолетами. Ему приходилось есть и спать в окружении самых фантастических птиц, зверей и пресмыкающихся; весь в синяках и царапинах, усталый и разгоряченный, он был вынужден перебираться через реки и озера, переходить вброд болота, прорыться сквозь чащу леса и непролазь густых степных трав. В тот роковой день, когда мы выехали в Эдвенчер, я предвидел все это, но сам Боб никакого подвоха с моей стороны явно не подозревал.

Солидно попыхивая, паром пристал к каменному причалу на том берегу Демерары, и мы принялись как попало сгребать наш багаж, проще говоря, швырять его через перила Айвену, стоявшему внизу. Когда мы покончили с разгрузкой и, сойдя с парома, присоединились к Айвену, какая-то мрачная фигура отделилась от бочки, на которой она сидела, и двинулась к нам.

— Вы не на поезд в Парику? — вопросила фигура.

Я подтвердил, что именно таково наше намерение, если только мы изыщем возможность доставить наш багаж на станцию.

— Тогда вам надо поторопиться… Поезд должен был уйти десять минут назад, — не без скрытого злорадства сообщила фигура.

— Боже мой! — в ужасе воскликнул я. — А далеко ли до станции?

— Около полумили, — отвечала фигура. — У меня есть тележка.

И с этими словами она исчезла.

— Что, если мы не попадем на поезд, Айвен? Будет ли еще один?

— Нет, сэр. Если мы упустим поезд, другого придется ждать до завтра.

— Как? Ждать здесь? — воскликнул Боб, оглядывая топкий речной берег с двумя-тремя одиноко стоящими полуразвалившимися салями. — А где же мы будем спать?

Не успел Айвен вразумить его, как неизвестный показался вновь. Он бежал к нам вразвалку, волоча за собой допотопную тележку.

— Надо торопиться, — задыхаясь, проговорил он. — Кажись, поезд уже отходит.

Мы лихорадочно наваливали багаж на тележку, а издали доносились пыхтение и свист: паровоз разводил пары. Очертя голову мы бросились по дороге на шум, тележка грохотала за нами, ее тащили Айвен и запыхавшийся владелец. Мокрые от пота, едва переводя дух, мы галопом ворвались на станцию, возбудив величайший интерес странного вида личностей, слонявшихся по платформе. Они приветствовали наши разгоряченные, взъерошенные персоны насмешливым свистом, который сменился радостным улюлюканьем, когда наша тележка наткнулась на камень и чуть ли не весь багаж вывалился на землю. Поезд тронулся. Нечеловеческим усилием мы швырнули последний ящик в вагон, и я еще успел высунуться из окна и бросить горсть мелочи нашему спасителю, который, не помня себя от горя, бежал за составом, умоляюще вытянув перед собой руки.

Малюсенький паровозик мужественно катил между влажно мерцающих рисовых полей и островков леса, таща за собой вереницу обшарпанных вагончиков и временами набирая прямо-таки отчаянную скорость — двадцать миль в час. Ландшафт был сочно-зелен, словно его только что протерли и обмыли специально для нас. Повсюду, куда ни кинь взгляд, были птицы. Искрящиеся белые цапли торжественно выступали по коротеньkim нежно-зеленым всходам риса; с оросительных каналов, испещренных водяными лилиями, при приближении поезда взлетали яканы, внезапно ослепляя глаз лютиковой желтизной крыльев; в небесной синеве вырисовывали свои величавые арабески коршуны-слизнееды, а в кустах без конца порхали стаи красногрудых трупиалов, и их алые грудки вспыхивали огнем на зеленом фоне.

Ландшафт, казалось, был до отказа набит птицами, куда ни глянь — видишь либо цапель, а под ними, в воде, их мерцающие отражения, либо длиннопалых якан, мелко семенящих по листьям водяных лилий, либо желтоголовых трупиалов, выглядывающих из стены тростника. У меня глаза заломило от всех этих цветовых пятен, пестрого трепыхания крыльев в тростнике и их стремительного скольжения над полями.

Боб мирно почивал в уголке купе, а Айвен пропадал где-то в недрах кондукторского отделения, так что я один любовался этим парадом птиц. Но вот поднялся свежий ветер, он затянул дымкой воды каналов и старательно задувал в купе сажу и гарь, гордо извергаемые трубой паровоза. Окно пришлось закрыть; судя по его виду, оно как было вставлено, так ни разу и не протиралось. Лишившись возможности созерцать окрестности, я по примеру Боба задремал. Наконец последним героическим усилием поезд втащился в Парику, и, тяжело топая спросонок одеревенелыми ногами, мы сошли на платформу. Тут обнаружилось, что пароход, храня почти немыслимую для тропиков верность расписанию, уже стоит у причала и громко капризно гудит, заявляя о своем намерении тронуться в путь. Мы поспешили на борт и опустились в шезлонги, превознося предусмотрительность Айвена. Пароход затарахтел, затрясся, отошел от Парики и устремился вперед по темным волнам Эссекибо, лавируя в лабиринте

небольших зеленых островков. Мы сидели в шезлонгах, дремали, жевали бананы и любовались красотой многочисленных островков, проплывавших мимо. Тут нас пригласили на завтрак в крошечный буфет, а потом, набив желудки, мы вернулись на солнцепек в свои шезлонги. Только я снова задремал, как Боб грубо растолкал меня:

– Джерри, хватит спать... Ты упустишь чудесное зрелище.

Пароход, очевидно обходя мель, чуть ли не вплотную притерся к берегу, так что нас отделяли от густого подлеска каких-нибудь пятнадцать футов воды. Еще как следует не проснувшись, я тупо уставился на деревья.

– Ничего не вижу. В чем дело?

– Вон там, на ветке... Видишь, задвигалась, неужели не видишь?

И тут я увидел. В ярком солнечном свете в гуще листвы сидело сказочное существо – большая ящерица с чешуйчатым телом, окрашенным в самые различные оттенки зеленого – яшмовый, изумрудный и травянистый, – с большой бугристой головой, покрытой крупными чешуями, и с большим волнистым подвесом под подбородком. Ящерица небрежно лежала на ветке, впившись в дерево большими изогнутыми когтями и свесив к воде длинный, как плеть, хвост. На наших глазах она повернула свою украшенную брыжами и наростами голову и спокойно начала объедать молодые листочки и побеги вокруг. Я не верил своим глазам и никак не мог убедить себя в том, что она относится к тому же виду, что и те скучные, впавшие в спячку бесцветные существа, которых в зоопарках выдают за игуан. Когда мы проплывали как раз напротив ящерицы, она повернула голову и окинула нас надменным взглядом своих маленьких, в золотистых крапинках глаз, и все это с таким видом, словно она просто-напросто коротает время в ожидании своего гвианского св. Георгия, который должен прийти и сразиться с ней. Мы глядели на нее как зачарованные, пока за расстоянием ее зеленое тело не слилось с листвой.

Мы все обсуждали игуану, как вдруг появился Айвен. Вид у него был озабоченный.

– Что случилось, Айвен? – спросил я.

– Ничего особенного, сэр. Просто мы прибываем.

Мы с Бобом немедленно перевели взгляд на берег: сплошной полосой зарослей он тянулся до самого горизонта. Только я хотел спросить у Айвена, не ошибся ли он, как пароход миновал небольшую излучину и на берегу показался большой сарай, а из мангров выступил каменный причал. На рифленой железной крыше сарай броскими белыми буквами значилось: Эдвенчер.

Вот мы и приехали!

Глава I

Змеи и сакивинки

Айвен оказался отличным организатором: к вечеру того же дня у нас был собственный дом на главной улице деревни.

Наше жилище представляло собой крохотную деревянную лачугу, изъеденную червями и термитами и не без явной натуги сохранявшую вертикальное положение. Как все дома в Гвиане, она покоялась на сваях и состояла из трех комнат: спальни, столовой и кухни. Стояла она, чуть отступая от дороги, за широкой, заполненной водой канавой, через которую был переброшен ветхий деревянный мосток. Коротенькая, но крутая деревянная лестница, увенчанная небольшим квадратным балконом, вела к входной двери. Такая же лестничка позади дома вела в кухню.

Был вечер. Айвен колдовал на кухне, дразня нас запахом кэрри, так что у всех слюнки текли. Боб мужественно пытался развесить три гамака в комнате, где едва уместился бы и один. Я сидел в сумерках снаружи, наверху шаткой деревянной лестнички. Обложившись со всех сторон книгами и рисунками, я беседовал с местными охотниками, которых вызвал Айвен. Предварительный разговор с местными жителями – очень важная часть работы зверолова. Показывая им рисунки нужных животных, можно многое узнать о местной фауне и о том, редок или обычен в данной местности такой-то вид. К тому же вы имеете возможность назвать цены, по которым согласны брать животных, и таким образом сразу вносите ясность в дело. Охотники Эдвенчера оказались весьма странным и интересным народцем. Тут были два здоровенных негра, толстенький коротышка-китаец с традиционно непроницаемым выражением лица, семь-восемь поджарых индейцев с пронзительно-карими глазами и нечесанными смоляно-черными копнами на головах и в довершение всего целая куча метисов самых различных цветов и возрастов. Беседе немало мешало то обстоятельство, что я совсем недавно приехал в страну и еще не освоился с местными названиями животных.

– Айвен, вот этот человек берется поймать для меня свинью пимплу! – надсаживался я, перекрывая шипение кэрри и чертыхания Боба, единоборствовавшего с гамаками. – Что такое пимпла? Какая-нибудь разновидность дикой свиньи?

– Нет, сэр, – кричал мне в ответ Айвен. – Пимпла – это дикобраз.

– А что такое киджихи?

– Это мелкое животное с длинным носом, сэр.

– Мангуста, что ли?

– Нет, сэр, крупнее мангусты, с очень длинным носом и кольцами на хвосте. Оно всегда ходит, задрав хвост.

– Угу! – хором подтверждали охотники вокруг.

– Носуха, что ли? – после некоторого размышления спрашивал я.

– Да, сэр, вы угадали, – отвечал Айвен.

И так на протяжении двух часов. Но вот Айвен доложил, что ужин готов, мы отпустили охотников и вошли в дом. При свете миниатюрной «летучей мыши» наша спальня выглядела так, будто кто-то безуспешно пытался превратить ее в цирковой балаган. Канаты и веревки оплетали комнату, словно паутина гигантского паука. Сам Боб потерянно стоял с молотком в руке посреди всего этого хаоса, обозревая хитросплетение гамаков.

– Никак не могу справиться с этими штуками, – уныло проговорил он, когда мы вошли. – Вот противомоскитная сетка к моему гамаку, но, хоть убей, не представляю, куда ее присобачить.

– Не скажу наверняка, но, по-моему, ее надо вешать над гамаком еще до того, как гамак повешен, – горя желанием помочь, высказался я.

Предоставив Бобу самому окончательно решить этот вопрос, я отправился на кухню помогать Айвену раскладывать еду по тарелкам.

Мы расчистили часть стола от свешивающихся порослей веревок и принялись уничтожать отличное кэрри, когда появился мистер Кордаи. Появился он так. Раздался громкий стук в дверь, хриплый голос трижды произнес: «Доброй ночи, доброй ночи, доброй ночи», и мистер Кордаи ввалился в комнату. Это был метис преобладающих индейских кровей, низенький, сморщеный человечек с лицом как у страдающей расстройством желудка обезьяны и кричевыми, как бананы, ногами. По первому же взгляду на него было видно, что он изрядно пьян. С сильным креном он вошел в круг света от фонаря и идиотски ослабился на нас, пустив в нашу сторону волну ромового перегара.

– Это мистер Кордаи, сэр, – в явном замешательстве проговорил Айвен своим культурным голосом. – Очень хороший охотник.

– Да, – согласился мистер Кордаи, с жаром тиская мне руку. – Доброй ночи, хозяин, доброй ночи.

По своему джорджтаунскому опыту я уже знал, что «Доброй ночи» употребляется тут, в Гвиане, как приветствие в любое время после захода солнца; привыкнуть к этому было несколько затруднительно. Мы попросили мистера Кордаи присесть и выпить с нами рюмку рома, и он не заставил себя долго упрашивать. Он пробыл у нас час и все это время пространно, хотя и несколько сбивчиво, толковал о зверях, которых он ловил в прошлом и намерен поймать в будущем. Я тактично свел разговор к большому озеру в нескольких милях от Эдвенчера. Мы с Бобом жаждали побывать на озере, посмотреть тамошнюю индейскую деревню и исследовать животный мир на его берегах. Мистер Кордаи заявил, что отлично знает озеро. По его словам, в окрестных лесах он не раз вступал в схватки не на жизнь, а на смерть со змеями гигантских размеров и не раз спасался вплавь через озеро от разъяренных зверей, которых он пытался пленить. Моя вера в мистера Кордаи катастрофически упала, но тем не менее после второй рюмки рома мы условились, что наутро он зайдет за нами и проведет нас на озеро. Он сказал, что хорошо бы выйти что-нибудь около шести и проделать самую трудную часть пути до того, как начнет припекать. Заверив нас, что завтра мы наловим кучу зверей, мистер Кордаи рас прощался и нетвердым шагом удалился в ночную тьму.

В пять утра мы были на ногах и развернули лихорадочную деятельность, готовясь к походу. В половине восьмого Айвен второй раз согрел нам чаю и послал мальчишку на розыски нашего столь пунктуального проводника. В восемь часов мальчишка вернулся и доложил, что этой ночью мистер Кордаи не ночевал дома и его жена не меньше нас встревожена его исчезновением, хотя, конечно, совсем по другим причинам. В десять стало ясно, что мистер Кордаи забыл про нас, и мы решили прогуляться вокруг деревни и попытаться добыть то, что можно найти без посторонней помощи.

Мы перешли через дорогу и побрали между деревьями. Вскоре мы вышли на песчаное побережье, и перед нами раскрылся простор Атлантики. Я думал, что морская вода будет соленой, но, оказывается, мы находились слишком близко к устью Эссекибо: вода была пресная, загрязненная желтой мутью и обрывками листьев, вынесенными рекой с материка. На песчаных дюнах у берега рос высокий, беспорядочно разбредавшийся во все стороны кустарник и группы коряевых деревьев.

Тут были кое-какие пресмыкающиеся: множество анолисов – некрупных грациозных ящериц с большими глазами и тонкими, изящными пальцами. Безобидные и довольно беспомощные, они отчаянно барахтались в песке вокруг кустов и без труда давались в руки. Чахлые деревья густо обросли длинными прядями мха, которые космами седых волос свешивались вниз с сотен нанизанных на ветви париков. Между ветвями в великом множестве

росли орхидеи и другие эпифиты, под самыми немыслимыми углами впиваясь в шероховатую кору своими крошечными корешками. Среди всей этой растительной миштуры мы нашли несколько древесных лягушек, изящно расписанных пепельно-серой филигранью по темно-зеленому фону, – раскраска, прекрасно сочетавшаяся со мхом и листьями орхидей.

По песку вокруг нас, словно большие зеленые ракеты, проносились бесчисленные амейвы, большинство из которых достигало почти двенадцати дюймов в длину. Почему-то решив, что он многое потеряет, если не поймет несколько этих блестящих ящериц, Боб с дикими криками бросился за одной из них, пытаясь прихлопнуть ее шляпой, да так и исчез из виду. Тут я понял, что его способ никуда не годится. Я выследил большую амейву, гревшуюся неподалеку на солнцепеке, и решил испробовать собственный метод. К черенку сачка я привязал тонкий шнурок и на свободном конце шнурка сделал скользящую петлю. Затем я с величайшей осторожностью приблизился к ящерице. Она лежала на горячем песке и блестящими глазами настороженно следила за моими манипуляциями. Я медленно подвел петлю к голове ящерицы и попытался накинуть ее на шею, но стебли травы не пускали шнурок, и у меня ничего не получалось. Амейва с любопытством рассматривала болтавшуюся перед ней петлю, очевидно никак не связывая ее со мною. Но вот, пытаясь закинуть петлю на шею ящерице, я слишком близко придвинулся к ней – она стремглав чиркнула по песку и нырнула под большой куст.

Проклиная себя за нездачливость, я принялся высматривать новую жертву, как вдруг из кустов раздался отчаянный вопль Боба: он звал на помощь. Я застал его на четвереньках перед непролазной стеной подлеска.

– В чем дело?

– Тссс! Глянь вон под тот куст... Видишь, какой огромный тейю.

Я лег на песок и глянул под куст. Там между корневищами притаилась огромная толстая ящерица фута в три длиной. Ее массивное тело было сплошь украшено орнаментом из черных и ярко-красных чешуй с золотистыми пятнами на черном хвосте. Пасть у нее была широкая и, как видно, сильная. Ящерица глядела на нас блестящими золотистыми глазами, и ее толстый язык быстро-быстро ходил во рту.

– Надо что-то предпринимать, – сказал я. – Не то она удерет.

– Ты будь здесь, – сказал Боб. – А я попробую зайти ей в тыл.

Он пополз по песку, а я продолжал лежа следить за ящерицей. И тут я впервые имел случай убедиться в сообразительности тейю. Поворачивая голову на изогнутой шее, ящерица с чуть презрительным выражением следила за обходными маневрами Боба. Выждав, когда он почти достиг той стороны куста, она стремительно шмыгнула по песку, взметнув за собою облако пыли. Боб вскочил и помчался за ней, потом бросился на нее каким-то скользящим броском, но было уже поздно: она достигла другого куста и юркнула под него. Боб сел и, выплевывая изо рта песок, заворочал во все стороны головой, пытаясь определить, куда скрылась ящерица. Когда я подоспел на поле сражений, тейю показался у противоположного края куста и осторожно двинулася в мою сторону. Я замер на месте, и ящерица, явно принимая меня за сухое дерево, приблизилась ко мне на расстояние нескольких футов. Когда она подползла достаточно близко, я воспроизвел скользящий бросок Боба и глухо шмякнулся на песок, одной рукой крепко схватив ящерицу за шею. Ящерица тотчас свилась в кольцо и попыталась укусить меня за руку, причем сделала это до того внезапно, что едва не вырвалась у меня из рук. Вот никогда бы не подумал, что такое небольшое существо может обладать такой силой! Поняв, что ей не вырваться, ящерица заработала когтистыми задними лапами, сдирая мясо с моей руки, и одновременно отчаянно закрутила во все стороны хвостом. Лишь минут через десять мы с Бобом справились с ней и запихали ее в мешок. К этому времени мы оба были ободраны в кровь, а меня эта злющая тварь вдобавок хлестнула хвостом по лицу, так что слезы потекли у меня из глаз.

Лишь некоторое время спустя до нас дошло, как нам повезло с этим тейю. Из всех гвианских ящериц тейю самые смелые и сообразительные, и обычно они до того хитры, что их не так-то легко поймать. В неволе некоторые из них приручаются и становятся совсем смирными, но большинство остаются дикими и своенравными, и доверять им нельзя. Как правило, ящерицы кусаются или нападают на человека, лишь оказавшись в безвыходном положении либо когда человек берет их в руки, тейю же не нуждаются ни в каких обоснованиях: они бросаются на человека почем зря.

Позднее, уже в Джорджтауне, мы держали около двух десятков тейю в большом ящике, затянутом проволочной сеткой. Как-то раз я пришел поставить им свежей воды. Все тейю лежали кучей в одном конце клетки, глаза их были закрыты: похоже, они спали. Я толкнул дверцу и только сунул руку за плошкой, как один из тейю открыл глаза и увидел меня. Не мешкая ни секунды, он бросился с разверстой пастью через всю клетку, схватил меня за большой палец и повис на нем, словно бульдог. Я хотел стряхнуть его с пальца, от нашей возни проснулись остальные ящерицы и стремглав кинулись на подмогу собрату. Пришлось вытащить из клетки руку вместе с тейю и захлопнуть дверцу перед носом осатаневших тварей. Лишь после этого я смог всецело посвятить себя освобождению моего пальца. Я не знаю других видов ящериц, которые проявляли бы такую свирепость по самым ничтожным поводам. Когда мы сажали только что пойманных тейю в ящик, затянутый проволочной сеткой, приходилось завешивать ящик мешками, иначе, если кто-нибудь подходил к клетке, ящерицы бросались на сетку и принимались кусать и скресть ее когтями, норовя достать человека.

Покончив с тейю, мы вновь стали ловить амейв с помощью петли. Пришлось проявить огромное терпение и пережить не одно разочарование, прежде чем нам удалось поймать шесть экземпляров этих милых тварей. Они были ярко раскрашены в травянисто-зеленый, желтый и черный цвета и, казалось, тепло светились наподобие полированных резных изделий из дерева. Обращаться с ними надо с крайней осторожностью: при малейшей неловкости они сбрасывают свои красивые длинные хвосты. Надежно запрятив ящериц в мешки, мы отправились в обратный путь. Пора было обедать, а заодно хотелось и посмотреть, не объявился ли наш бравый зверолов мистер Кордай.

Бравого охотника нигде не было видно, зато на лестничке у входной двери сидел молодой индеец, а в ногах у него лежал большой мешок. Присмотревшись, можно было заметить, что мешок шевелится.

- Что там у вас? – спросил я, с надеждой взирая на мешок.
- Кумуди, хозяин, – осклабившись, ответил индеец, – большая водяная кумуди.
- Что такое водяная кумуди? – спросил я у Айвена, когда он вышел из кухни.
- Это такая большая змея вроде удава, сэр, только живет в воде.

Я подошел к мешку и приподнял его. Он был довольно увесист, и, когда я его тронул, изнутри раздалось громкое сердитое шипение. Я развязал мешок и заглянул внутрь: там в глубине, свернувшись кольцами, лежала большая блестящаяアナconda, водяная змея-удав, о которой создано столько волнующих (но, по-видимому, не соответствующих истине) легенд.

– Глянь-ка, Боб, – сказал я, наивно полагая, что он разделит мое удовольствие от нового приобретения. – Это анаconda, и, похоже, очень недурной экземпляр.

- Гм... – без особого энтузиазма отозвался Боб. – Я бы на твоем месте завязал мешок.

Гвианские охотники почему-то предпочитают, чтобы пойманных ими удавов и анаконд оплачивали пофутно, а для этого требуется извлечь змею из мешка и измерить ее длину, в каком бы настроении она ни была. Анаconda, которую мне принесли, была в очень плохом настроении. Лишь впоследствии я узнал, что они редко когда бывают в каком-либо другом, так что в полном неведении относительно этой их дурной наклонности и привыкнув обращаться с более покладистыми африканскими питонами, я запросто сунул руку в мешок и хотел схватить

змею за шею. Она сделала в мою сторону злобный выпад, но промахнулась. Айвен, индеец и Боб смотрели на меня как на сумасшедшего.

– Осторожнее, сэр, это очень злая змея, – сказал Айвен.

– Она вас укусит, хозяин! – вскрикнул индеец.

– И ты получишь заражение крови, – заключил Боб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.